

Ночь прошла в праздничном тумане, на столах для симпозиумов громоздились горы вкусной еды, а кубки были переполнены духовным вином. Такой порядок событий был преднамеренным для новой крови. Шок солёной воды для чувств, чтобы подготовить их, знакомство с духом и энергией их старших посвящённых и боевой доблестью, которую от них ожидали, а теперь ночь празднования для победителей.

Жизнь в мистических культах Средиземноморья была бурной. Но она также была очень опасной и мало заботилась о тех, кто не мог справиться с трудностями культивации. Первый день обрядов был проверкой храбрости. Немало новых посвящённых были не в силах справиться с интенсивностью испытаний и смиренно удалялись вниз с горы, когда они думали, что их никто не видит. Их видели, разумеется, но мистики отпустили их.

Лучше пусть они уйдут в первый день. После второго пути назад уже не будет.

— Мистики! — крикнул философ, и его голос легко разнёсся по павильону. На вид ему было лет двадцать, но он носил одежду уважаемого старейшины. Он вскинул руку к востоку, и все глаза последовали за ним. — Встань и встреть зарю!

Сотни мистиков на горных вершинах встали и заплодировали, когда солнце пробилось из-за далёкого горизонта, подбрасывая в воздух кубки с духовным вином и всевозможные оливки, фиги, мясо и сыры. Почти поголовно все они были пьяны до упаду. Это было не то состояние, которое обычно терпели бы старейшины. Сегодня, однако, это поощрялось.

Кикёин был крепким духовным вином, напитком культиваторов, но он всё же был вином. Он затуплял чувства в избытке. Однако определение избытка менялось в зависимости от степени знакомства с ним. Терпимость может быть выработана к более интенсивному когнитивному влиянию духовного вина при достаточном воздействии.

По этой причине, кроме более очевидных, это была строго ограниченная роскошь. Только в такие ночи посвящённым разрешалось по-настоящему баловать себя. Отсутствие выработанной терпимости делало этот опыт ещё более незабываемым.

Я рассматривал зарю, сидя за длинным кипарисовым столом с чашкой кикёина в руке. Сол сидел напротив меня. Его глаза были прикрытыми и уставшими. Ночь пришла и ушла, и мы не обменялись ни словом.

Барабаны начали бить, когда розовые пальцы зари протянулись по небу. По краям центрального павильона раздалось тихое пение, философы и старшие посвящённые, не принимавшие участия в празднествах, переходили к заключительному этапу обрядов. Новая кровь в пьяном недоумении озиралась по сторонам, пока их опьяневшие старшие братья начали кричать и возбуждённо подниматься со своих мест. Настало время.

Новый посвящённый вскрикнул от ужаса, указывая на небо. Глаза последовали за рукой и новая кровь была шокирована и недоверчива, в то время как те, кто уже пережил этот день раньше, смотрели в ожидании.

С неба падал метеорит.

Новая кровь, начиная от мальчиков возраста моего самого младшего кузена и заканчивая почти взрослыми молодыми людьми, выплеснулась из павильона паническим потоком, пока огненный шар падал. Присутствовавшие пьяные младшие и старшие тоже расступились, но в их глазах не было страха. Метеор пронёсся сквозь горящие облака, и вскоре его низкий рёв заглушил барабанный бой и пение философов.

Сол в изумлении смотрел как он падает. Я откинул чашку назад, духовное вино пролилось на мой подбородок.

Падающая звезда ударила в центральный павильон, словно кулак разгневанного бога.

— Пошли, — заявил я как только мир перестал трястись. Я встал из-за разрушенного стола, он был разорван на куски и осколки, за исключением небольшой секции, которую я укрепил моей пневмой. Я лениво смахнул мраморную пыль и мелкий мусор с моего церемониального одеяния.

— Пошли куда? — недоверчиво спросил Сол. Он многозначительно огляделся.

Центральный павильон Розовой Зари был полностью разрушен. Каменные ступени разлетелись вдребезги, столы и скамейки снесло с горы силой удара. Сам павильон превратился в руины с кратером посередине, когда-то безупречный камень разлетелся на куски, достаточно мелкие, чтобы их можно было использовать в мозаике.

Единственным чудом уцелевшим строением были мраморные статуи героических культиваторов, стоявшие вдоль внешнего края павильона. Они стояли, как всегда, гордые и высокие, глядя вверх, словно прослеживая путь упавшей звезды обратно к небу.

— В гору, чтобы закончить твои обряды, — сообщил я ему, шагая к сердцу кратера.

Там, где когда-то был величественный центральный фонтан с безликой статуей мужчины, стоящего в воде, теперь образовалась зияющая пропасть. Падающая звезда начисто пробила его и гору, оставив каменный туннель, спускающийся по спирали вниз через гору. Исходящее из его недр розовое сияние освещало камень.

Остальные посвящённые будут идти недалеко позади нас. Трезвые мистики и философы уже собирали молодую кровь и своих пьяных старших в управляемую толпу, готовя их к нисхождению. Это была хаотическая смесь ужаса и волнения, но культиваторы были экспертами в наведении порядка в хаосе.

Мы достигли края пропасти. Метеор, по-видимому, врезался в гору под углом, обеспечив крутой, но проходимый спуск вниз. Сол с сомнением вглядывался в него.

— Испугался?

Он фыркнул: «Вы, Греки, безумны».

Вместе мы спустились в глубины.

Розовое сияние давно угасло, оставив нас в крошечной тьме, и только далёкие звуки посвящённых за нашими спинами и наши улучшенные глаза направляли нас. Блага культивации позволяли нам видеть даже в крошечной темноте, но лишь едва. Когда мы спускались, мы ощущали стены, камень был чудесным образом прохладен на ощупь.

В конце концов, появился новый свет. Это было тускло-оранжевое мерцание факелов, казалось, исходящее от самих стен горы. Только когда мы подошли ближе, их истинный источник стал

очевиден.

Каменные коридоры, вырубленные в горе по обеим сторонам туннеля. Факелы, прикреплённые к стенам, освещали оба пути, извиваясь и изгибаясь в ветвистых коридорах, пока в конце концов они оба не скрылись за поворотом. В отличие от основного туннеля, который, казалось, тянулся бесконечно вниз, эти явно были созданы руками человека.

— Всё это для того, чтобы открыть путь, который уже был здесь, — сказал Сол. Я хмыкнул, подтверждая его подозрения. — Запертой двери было бы достаточно.

— Нет, — я сказал. — Не было бы.

Я схватил факел со стены и пошёл дальше по главному туннелю. В конце концов, глухой грохот барабанов и песнопения позади нас полностью стихли, когда посвящённые и их сопровождающие разделились, чтобы последовать в вырезанные руками залы.

— Ритуалы инициации существуют для того, чтобы передать то, что невозможно описать напрямую, — сказал я, приседая и скользя по особенно крутой дорожке из скользкого камня. — Подумай, раб. Не зря их называют тайнами. Как бы я мог объяснить тебе ужас утопления, если бы тебе не нужно было дышать? Как бы я мог объяснить красоту женщины, если бы у тебя не было глаз, чтобы видеть?

— Косвенно, — понял он. Я кивнул.

Даже мой отец не мог точно описать, что лежало в сердце этих гор или как они сюда попали. Великие тайны небес были чем-то, что даже Тиран не мог полностью постичь. Но он мог показать нам. И так он и сделал.

— Залы, которые мы прошли, проходят через весь горный хребет, — объяснил я. — Мистики будут ходить по ним остаток дня и всю ночь. Это не будет ощущаться так, потому что они все вслепую пьяны от духовного вина, а остальная часть культа находится с нами в горах, поддерживая шоу.

— Шоу? — повторил Сол.

— Падающая звезда была только началом, — сказал я. — Стены тех искусственных туннелей инкрустированы мозаикой, которая визуально описывают происхождение Розовой Зари. Через определённые промежутки времени в камне высечены пещеры для постановок, где посвящённые ждут, чтобы разыграть события на благо новой крови. Члены культа тратят месяцы на совершенствование добродетельных техник, готовясь к выступлениям.

— Тогда почему мы не идём по этим путям?

— Потому что они бесполезны, — легко ответил я. — Есть ценность в том, что мой отец расколол эту гору как панцирь черепахи. Это придаёт ощущение масштаба, если ничего другого. Но актёрская игра и настенное искусство? Песни и танцы? Это не имеет значения.

Он раздражённо хмыкнул: «Тогда что имеет?» — он спросил. Я ухмыльнулся и бросил факел вниз по тропе.

Сол в замешательстве смотрел как он падает вниз по горной жиле, и уже собирался что-то сказать, когда он внезапно нырнул в массивное отверстие и исчез. В этот момент, за долю

секунды до того, как он погас, он осветил что-то, что-то что лишило нас возможности говорить. В наступившей тишине я почти мог слышать стук его сердца. Моё собственное было раскатистым громом в моих ушах.

Мы ползли, как воры, к этой зияющей пропасти. Напряжение и что-то ещё, что-то густое и непреодолимое, пронизывало камень по мере нашего приближения. Когда мы, наконец, достигли его края, глядя в массивную пещеру, сияющую светом без источника, Сол заколебался. Я ударил его ладонью по затылку и потащил за собой в бездну.

В пещере было тепло, сам камень, казалось, излучал тепло. Те причудливые огни, которые мы видели с края туннеля, были встроены в сам пол и стены пещеры, камни, названия которых я не знал и никогда не видел на поверхности. Они сходились по спирали к центру пещеры, к...

— Что, — выдохнул Сол, — это?

Разрезанный труп. Почти лениво распластавшийся на помосте из разбитого камня.

Это было зрелище, которое я видел ровно семнадцать раз прежде. По одному на каждый год моей жизни. И от первого до последнего, каждое воспоминание было таким же далёким и туманным как и предыдущее. Нечётким, почти бесформенным. Были ночи, когда я просыпался и задавался вопросом, было ли это место сном, хитрой иллюзией. А потом приходят обряды, и я углублюсь в гору, и я вспоминаю.

Но даже здесь и сейчас, когда я сидел на корточках рядом с контуженным рабом, подробности ускользали от меня, пока я смотрел на них. Мои глаза смотрели на тело, но оно было, совершенно лишённым черт.

Лицо...

Загорелая кожа. Отточенная челюсть, высокая и выразительная скула. Светлые кудри цвета солнца и глаз, который горит...

... было жутко плоским, гладким как у снесённой статуи в центральном фонтане павильона. Тело...

Худощавое, мускулистое, идеально сложенное. Созвездие звёзд в виде татуировки на груди, разорвано...

... было таким же. Ни одной выразительно черты.

Труп был аккуратно разрублен по центру, от макушки до паха. Правой половины нигде не было видно, хотя я подозревал, что знаю, где её можно найти. Внутренности, вопреки всем силам природы, остались идеально внутри своей половины трупа. Почему-то органы...

... половина мозга, которая потрескивала и вспыхивала как грозовое облако. Позвоночник, который треснул, словно он был сделан из мрамора, с тянущимися словно вены нервами, которые почти парили в воздухе, тянувшись к чему-то. Что-то в печени, написанное или сказанное, или то и другое, или ни то, ни другое. И сердце...

Я вдруг понял, что пещера внезапно наполнилась людьми. Все посвящённые, новоприбывшие, младшие и старшие, уважаемые старшие философы, мои дяди и кузены. Сколько времени прошло? Как долго мы смотрели? Все они смотрели на таинственное существо в центре пещеры. Моё непонимание отражалось в их собственных глазах. Никто не осмелился подойти.

Никто, кроме моего отца.

Дэймон Этос стоял над разрубленным пополам трупом падшего бога солнца. Он говорил, говорил уже какое-то время, которое я никак не мог определить. Но только сейчас я услышал его, когда он посмотрел на меня через пещеру. На меня и моего раба.

— Встань, — скомандовал он. Мы встали. Все мы. Вся Розовая Заря. — Посвящённые, старые и новые. В третий и последний раз встань и встретить зарю.

И там, в ладони трупа, расцвёл свет.

Взошло солнце.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3104974>